

ДМИТРИЙ АШАЕВ

**НЕОЦИФРОВАННОЕ
ДЕТСТВО**

Дмитрий Ашаев
Неоцифрованное детство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28265162

ISBN 9785449010803

Аннотация

Воспоминания о событиях и ценностях нецифрового времени, написанные от лица мальчишки, жившего на стыке исторических эпох.

Содержание

Предисловие	5
Про городскую жизнь	8
Про тихий двор, соседей и семейные альбомы	8
Про наш видеоманитофон	13
Про папину любимую игрушку	17
Про зимнюю рыбалку	23
Про сладкие ворота	29
Про хоккей во дворе и вкусный снег	31
Про ремень на двери и таблицу умножения	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Неоцифрованное детство

Дмитрий Ашаев

© Дмитрий Ашаев, 2017

ISBN 978-5-4490-1080-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моим родителям...

Предисловие

Мои детство и отрочество пришлись на непростые и одновременно интересные времена. Несильно яркие в быту, в прямом смысле, но очень событийные. Всю историческую значимость происходившего и силу характера моих родителей я осознал только спустя годы. Об этом позднее.

Девять месяцев в году я был обычным городским мальчишкой. Я ходил в школу в синей школьной форме с серыми алюминиевыми пуговицами и ждал, когда наступят трёхмесячные, но такие короткие летние каникулы. Как и многие советские семьи, родители отправляли меня почти на всё лето в деревню к бабушке и дедушке.

Полное ярких открытий и событий лето в деревне было отдельной маленькой жизнью, прошедшее яркой жирной полосой в моей судьбе. Это было настоящее босоное детство, с выгоревшими на солнце волосами, обгоревшим носом и содранными от падений с велосипеда локтями и коленями, но всегда наполненное приключениями.

Некоторые вещи в жизни я научился воспринимать через призму той житейской мудрости, простой и однозначной. Именно так жили люди на селе. По-настоящему. Я считаю, что мне в этом повезло.

Стоит также сказать, что сверстники моего поколения стали очевидцами смены целой эпохи, когда изменилось всё:

общественно-политический строй, страна, уровень и ощущение свободы, порой граничившей с разнузданностью.

Формировалась новая идеология. Появились рыночные отношения. Сперва дикие, потом диковатые. Цена товара, раньше указанная прямо на нём или на упаковке, сначала исчезла совсем, затем перекочевала на ценники, которые на один и тот же товар могли розниться в разы в зависимости от элитарности магазина.

Продавалось всё, от импортных цветных телевизоров и двухкассетных магнитофонов со светомузыкой до окурков в банках. Стадионы и кинотеатры превратились в торговые ряды.

Я застал время больших перемен в сознательном, но не осознанном возрасте. Я не понимал того, что происходило вокруг. Уж тем более у меня не было ощущения, что уходит целый исторический пласт. Некоторые тонкости исторической каверзы до меня доходят до сих пор. Спустя более тридцати лет, и после прочтения многочисленных интервью и книг о том времени. Например, я помню события путча девяносто первого года, направленные на предотвращение распада СССР.

Эти события застали меня в деревне. Дедушка ворчал, что по телевизору постоянно показывают никому не интересный балет «Лебединое озеро». Бабушка, послушав заявление ГКЧП¹, сказала только одну вещь: «Пойду завтра в магазин,

---

¹ ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР.

вдруг всё подешевеет!» Вот так просто. Никаких политических разговоров и лозунгов.

События в столицах не оказали никакого влияния на жизнь деревни, да и провинции, где жили родители. Люди на какое-то время притихли в неведении, что будет завтра. Но ждали перемен только в лучшую сторону.

Было откровенно трудно. Но сейчас в возрасте, когда мне в парикмахерской вместе со стрижкой уже предлагают заодно подровнять брови, я с большой теплотой и ностальгией вспоминаю то время. Мне хочется поделиться своими тогдашними ощущениями, которые безвозвратно утратились, завалившись в зазор между эпохами, как какая-то ватная палочка за стиральную машину. Тихо и незаметно.

Про городскую жизнь

Про тихий двор, соседей и семейные альбомы

С тех пор, как я себя помню, и до класса, наверное, восьмого моя семья жила в привокзальном районе, или как это у нас называют «на привокзалке», в маленькой двухкомнатной квартире «Хрущевке», панельной пятиэтажке. Такие в последнее время сносят и на их месте строят новые. Для этого процесса даже придумали красивое слово, которое я не буду называть. Ведь я не про это хочу рассказать. Окна квартиры выходили на тихий дворик, окруженный такими же серыми панельными коробками.

Я временами очень грущу по тому спокойному двору с большой песочницей, железной горкой и детским садиком «Полет». По тихим пожилым соседям, которых в будни не было слышно вообще. Только в самый праздник нового года сосед с четвертого этажа дядя Володя Преображенский традиционно палил в черное зимнее небо из стартового пистолета. Красная ракета улетала к замерзшим звездам, и мы с сестрой кричали «Ура!», дыша на стекло кухонного окна.

И жили мы там как раз в то непохожее ни на что время,

когда колбасу и курицу можно было купить только по продовольственным талонам. Ее тогда даже не продавали, а «выкидывали» и, соответственно, «сметали» с прилавков. Новости о том, что где-то «выкинули», например, сосиски, разлетались по городу со скоростью звука. Очередь образовывалась моментально, даже посреди рабочего дня, и стояла до тех пор, пока не заканчивался товар. Иногда, вплоть до закрытия. Никому и дела не было до того, что магазин в пять часов должен был закрыться. А на следующий день на полках опять красовались только банки с салатом из морской капусты.

Каждый мой день рождения папа брал большой финский нож и делал на дверном косяке с левой стороны зарубки роста. Я вставал в дверную коробку, плотно прижав к дереву пятки, копчик и затылок и вытянувшись по струночке. Папа осторожным движением прикладывал нож к макушке и втыкал его в косяк.

– Отходи! – приказывал он резким, но не злым тоном и начинал расковыривать белую краску на дверной коробке. Рядом с получившейся зарубкой он выбивал возраст римской цифрой. Иногда ножом прижимало пару волосков, и выскакивая «из-под ножа», я едва слышно взвизгивал, когда они вырывались.

Правая сторона того же косяка была разрисована отметками роста моей сестры. Я не помню, кто из нас был «лидером», и рос быстрее.

В то время пацаны стайками бегали по двору, а девочки прыгали в резиночку. «Пе-ше-хо-ды. Точка. Бу-ра-ти-но. Точка». Казалось, родители не сильно и следили за детьми. Может быть, не страшно было отпускать. Мы гуляли с друзьями в садике «Полет», игрались в песке, прыгали через закопанные окрашенные покрышки. Чуть повзрослев, мы заползали на крышу веранд все в том же детском садике, или словно канатоходцы ходили по ограждению.

Мы знали всех соседей по подъезду. В какой-то степени это было необходимостью. У нас не было телефона. В нашем подъезде телефоны были в пяти квартирах. В основном у ветеранов Великой отечественной войны. Мы с сестрой ходили звонить к бабе Нине и тётё Шуре через лестничную площадку. Она охотно нас пускала. Звонили мы чаще всего маме на работу. В те времена телефоны были дисковыми, а номера состояли из пяти цифр. Не как сейчас от кода страны и кода города. Может быть, поэтому телефонные номера легко запоминались.

Я ещё застал те времена, когда для того, чтобы совершить междугородний звонок, нужно было прийти на телеграф и заказать его. В телефонную кабинку тебя приглашали по громкой связи. В три-пять проплаченных минут нужно было втиснуть рассказ обо всех событиях жизни. Связь была ужасной. Это было еще до появления интернета, сотовой связи и звонков через интернет, и было целым хлопотным

событием, поэтому по межгороду тогда звонили не часто.

Для того чтобы поздравить близкого человека в другом городе, отправляли телеграммы. Стоимость телеграммы зависела от количества слов внутри нее, поэтому телеграммы писали без предлогов, союзов и знаков препинания. Но была возможность отправить телеграмму на поздравительном банке, такой своеобразной открытке. Открытки были унифицированными, поэтому адресат получал телеграмму именно в такой открытке. Все очень радовались открыткам и поздравительным телеграммам и зачитывали их вслух, а позже хранили их в шкафах или под стеклом.

Фотографии с праздников или торжеств можно было увидеть крайне редко. Зато была традиция – раз в год или чаще ходить в фотоателье, чтобы сделать семейный портрет. В каждой семье были черно-белые фотографии, только коричневые. Сепия.

Фотографии были семейными реликвиями. Они хранились в семейных фотоальбомах. Их очень берегли. Снимки со временем выгорали, выцветали и трескались, прямо как настоящие картины. Никаких негативов не было, и повторно распечатать тот или иной снимок было нельзя.

Сами фотоаппараты в быту были редкостью. Люди, отважившиеся увлечься фотографией, были кем-то сродни влюбленных в свое хобби волшебников. Фотопечать тогда в буквальном смысле представляла химию: ванная комната, красный фонарь, просроченные реактивы. Получившиеся фото-

графии были не идеальными, не яркими, или как тогда бы сказали – «передержанными» или «засвеченными». Но они были результатом усилий, сноровки, таланта и, наконец, любви.

Это было удивительное, еще не оцифрованное безликими нулями и единицами время. В прямом смысле слова, время можно было потрогать. Хотя бы по зарубкам на дверном косяке.

События оставляли память, имели вес. Я буквально провес альбомов с карточками, и метафорически про груз воспоминаний. Фотографии пахли работой, временем, местом съемки и хранения одновременно.

Тогда не было тысяч забытых фотографий на компьютере или в мобильном телефоне. Гигабайты цифр не весят ничего. Эти фотографии не тускнеют и не пахнут. Но их тысячи. Они не оставляют простора для ностальгии и воображения.

Перелистывая же старый фотоальбом, рассматривая потускневшие со временем снимки, заставляешь воображение проживать еще раз тот момент в жизни в тех самых ярких красках.

Про наш видеомагнитофон

Это было удивительное время, когда бытовая техника и прочие более сложные, чем деревянный посылочный ящик (да, посылки тогда отправлялись в деревянных ящиках, которыми традиционно был забит балкон), вещи покупались по записи или каким-то «тайным» спискам. Эти списки бесконечно сверялись и уточнялись.

Я помню, мои родители каким-то чудом купили видеомагнитофон «Электроника ВМ-12». Они ездили за ним аж в Ленинград. Все считали это большой удачей, а я даже каким-то огромным счастьем. Это было так круто, а родители мне запрещали рассказывать даже одноклассникам. Похвастаться хотелось. Просто сил нет, как хотелось. Тяжелый серебристый прямоугольник, с вертикальной загрузкой видеокассет. Мы всегда хранили его в коробке, которую убирали на шкаф, прикрывая еще сверху каким-то выцветшим фиолетовым с красными клюковками лоскутом ткани. Почему? Было как-то принято жить скромно, не выделяясь.

С «видиком» или «видаком», так его зазывали родители, в комплекте шло пять чистых видеокассет ВК-180. Такие в белых коробках, с картонными не клеящимися вкладышами. Представляете, их просто так даже нельзя было наклеить на торец кассеты. Тогда было довольно сложно что-либо записать на них. Нет, конечно, студии тогда уже были. Они все

носили такие звучные имена типа «Аккорд» или «Сириус» и т. п. На самом деле это был просто стол посреди какого-нибудь магазина типа «Техническая книга» или «Товары для новобрачных». Под оргстеклом на этом столе лежали распечатанные списки фильмов и музыкальных групп. На столе стояли девяностоминутные аудиокассеты с интересными подборками: на одной стороне мог быть альбом группы «Комиссар», а на другой – «Фристайл». Не важно, что каждый из альбомов полностью не помещался на эти кассеты. Тогда это было нормально. Услугами таких студий мои родители не пользовались никогда.

Я помню, первый видеофильм на видеокассете у нас был «Вспомнить все» с Шварценеггером. Это был один из тех бессмысленных кровавых фильмов, озвученных гнусавым переводчиком. Дописана кассета была мультиками «Том и Джерри», но без перевода. Я видел этот фильм раза четыре в черно-белом исполнении. Дело в том, что в нашем цветном ламповом «Горизонте» не было декодера (кажется, эта штука так называется). Уже в то время отец мечтал об «Электроне» или «Шилялисе».

Через некоторое время родителям удалось-таки купить телевизор «Фотон». Нам он казался венцом технической мысли. Восемь вертикально светящихся кнопочек для программ, против шести на «Горизонте». Обилие черного пластика вместо деревянного ящика. Сам он был слегка компактнее.

Конечно, мы бы не смогли его так быстро купить, если бы он был исправен. Папа где-то крутанулся и купил телевизор с «небольшими» дефектами. У нашего был размагничен верхний левый угол экрана и сломана в одном месте лицевая пластиковая панель. Но все равно он был прекрасен. Это был следующий шаг в технике. Про такие телевизоры говорили, что они «на полупроводниках». Честно скажу, я до сих пор не знаю, что бы это значило. Да, это и не так важно. Когда он долго работал, он не пах горелой пылью, а когда его выключали, он не шелкал электрическими микроразрядами. Экран просто гас.

Для этого технического феномена был куплен декодер в картонной коробочке, который, изучив какие-то телевизионные карты-схемы утробы нашего «Фотона», уверенно впалял вызванный мастер. Но... изображение все равно цветным не стало. Только верхний левый угол экрана всегда был мутным желто-зеленым.

Еще было принято меняться видеокассетами. Некоторые из них доходили в таком состоянии, когда на экране присутствовали полосы и снег. Ещё один атрибут того времени. Но все равно мы сидели, сгорбившись, перед черно-белой картинкой, впитывая творчество Голливуда начала девяностых. Это было круто. Можно было рассказать во дворе, что ты видел такой-то видеофильм. Я даже завел тетрадочку, где записывал все просмотренные мной видеофильмы, классифицируя их на боевики и комедии. Записи прекратились после

полутора сотен увиденных фильмов. Интересно сейчас было бы найти эту тетрадь.

С появлением видеомагнитофона появились и первые фильмы для взрослых. Папа откуда-то принес кассету. А так как появление каждой новой видеокассеты дома было событием, то и, несмотря на все приложенные родителями усилия, я о ней узнал. Мне было запрещено ее смотреть, и она была спрятана от меня. Конечно, я ее нашел. Это была 4-часовая кассета с тремя фильмами. Но смотреть я их не стал, побоялся, что узнают. Я подержал ее в руках, достал из черного бумажного защитного чехла и засунул обратно. После этого залез на шкаф и положил ее за старые чемоданы, туда, откуда взял.

Я не знаю, где сейчас эти старые вещи. Телевизор родители, кажется, отдали сестре, когда она вышла замуж. Эти вещи в какой-то момент просто исчезли из моей жизни, и их просто больше нет. Так бесследно куда-то пропал альбом с марками. Моя мама называла его кляссер. Это слово я слышал только от нее. Куда-то в небытие исчезла «бесценная» коллекция фантиков от жвачек и пивных пробок. Исчезли также, как исчезают куда-то старые игрушки.

Про папину любимую игрушку

Мама очень любила вязать. Она вязала крючком и на спицах. Различные салфетки украшали полки и телевизор в комнате. В маминой коллекции были разные крючки: от мелких, острых крючков для вывязывания салфеток до крючков, сделанных папой из алюминиевой проволоки. Также имелась коллекция спиц различной величины, на леске и отдельными спицами. С подшивкой журналов «Крестьянка» вместе лежали вырезки из «Burda Moden». Там же хранились перерисованные вязальные выкройки-схемы. Они напоминали первые примитивные компьютерные «рисунки», состоявшие из набора символов. Вязальные схемы были очень похожи на эти «рисунки». Черточки горизонтальные и вертикальные, чередовались с ноликами (или буквами «О») и буквами «К».

Я не раз помогал маме перемотать пряжу из магазинных мотков в клубки. От меня требовалось, продев запястья в моток, сидеть неподвижно. Наблюдать, как нитка очерчивает круги вокруг запястий, было интересно первые минут пять.

Детские психологи говорят, что существенным наказанием для детей является запрет двигаться какое-то время. В общем, вы поняли, мне было скучно, и было ощущение, что я наказан.

Во всей маминой вязке мне нравилось только изготовление помпонов. Это было похоже на фокус. Сперва накручивали нитки на плоскую круглую картонную заготовку, потом разрезали и связывали еще одной ниткой. Чик-чик, пара движений, и, вуаля, в руках уже пушистый шарик. Волшебство.

Папиной страстью же были автомобили. Он был автомобилистом до кончиков пальцев. Он любил машины. Он любил путешествовать на автомобиле. Папа испытывал почти детский восторг, глядя на подсвеченную приборную панель. Бывало, он просто включал дальний свет и смотрел, как на консоли загорается синяя лампочка-индикатор. Он охотно копался под капотом, настраивая брякавшие клапана. Его любовь к машинам была заразительной. Он читал журнал «За рулём». Я тоже очень любил этот журнал. Меня же в нём манили изображения машин отечественных и зарубежных, современных, старинных и, особенно, футуристических. Я выучил десятки марок, сотни моделей. Знал, как выглядели автомобили разных лет. Тексты я не читал, только названия марок и моделей. Более того, у нас дома откуда-то была готовальня, коробочка, обитая бархатом изнутри, в которой лежали разные циркули. При помощи разных циркулей и лекал я рисовал обтекаемые спортивные машины. Было очень круто, и совершенно не похоже на нашу машину.

Первая папина машина была «копейкой», автомобильной

классикой – ВАЗ-2101. Она была почти моей сверстницей, немного младше. На ней еще стояли автомобильные черные номера с белыми цифрами и буквами, где регион скрывался в комбинации первых двух букв. Кажется, это были «2463 ахл», хотя в цифрах я не уверен. На его поздних машинах уже стояли международные номера с черными буквами на белом фоне, схожими по написанию с латинскими буквами, и цифровым кодом региона. Так что буква «л» на номере первой папиной машины была исторической. Больше она не встречалась ни на одном государственном номере.

Машина было алого цвета. Не красного или вишневого, а алого. В салоне не было ни наклеек, ни освежителей воздуха в виде ёлочек. Было только две вещи, ненавязчиво украшавшие салон: рукоятка рычага переключения передач из прозрачного желтого плексигласа с цветком внутри и алые шторы на заднем ветровом стекле, сшитые мамой. Тонировку было делать нельзя, а вот шторы были не запрещены.

В багажнике машины папа всегда возил набор инструментов, ручку-заводилку. Ремонтный комплект, к слову, входил в стандартную комплектацию автомобиля. Набор инструментов, который содержал не только набор рожковых, накидных гаечных ключей, но и храповый ключ, свечной ключ балонник и щуп, крепился ремнями к стенке багажника. Названия всех этих ключей я знаю от моего папы, чем до сих пор удивляю кого-нибудь из нашего круга друзей.

Еще в багажнике у папиной машины помимо обязатель-

ных вещей жили дополнительный ножной насос, вулканизатор с набором инструментов для полевого ремонта камеры, антиоткатные деревянные упоры и еще одна запасная камера. Одним словом, всё, чтобы починить, залатать, отремонтировать его ласточку, где угодно. Вернее, где случится.

Также там лежала катушка для спиннинга и набор блёсен. Рыбалка также была папиной любовью. Случались моменты, когда автомобиль мог удовлетворить обе его страсти одновременно.

Автомобиль в семье был больше, чем средство передвижения. Это был показатель благосостояния и возможностей. Ведь свободно купить автомобиль в советское время было трудно, если не невозможно. «Копейка» была приобретена через списки по месту работы.

Когда папа, следуя за своей тогдашней мечтой, Москвичом 2141, встал в новый список, «копейку» пришлось продать. В силу обстоятельств мечте не суждено было сбыться. Следующей машиной моего папы стала некомплектная «шестёрка» ВАЗ-21063, доставшаяся также по спискам. Папа решил не испытывать судьбу и сразу же согласился на оферту, не смотря на отсутствующее запасное колесо.

Бежевая шестёрка задержалась в нашей семье надолго. За свою жизнь она видела почти всё: от оторванных глушителя и брызговиков, до преодоления разлившейся реки вплавь на буксировочном тросу за грузовиком. Она несколько раз

прошла путь от Белого до Черного моря, выхлебав сотни литров топлива разного качества.

У папы было правило, грязную машину в гараж ставить нельзя. Каждый раз перед тем, как загнать свою «ласточку» внутрь, он натирал ей бока. За гаражом для этих целей в землю была наполовину закопана бочка. Ведро и щетка также обрели свое постоянное место в багажнике автомобиля.

Гараж располагался очень далеко от дома, между железнодорожным вокзалом и объездной дорогой, в тупике секции «Березка», почти под проводами линии электропередач, где на восемь гаражей светил лишь один фонарь. Однажды в наш гаражный тупик пришла беда, вскрыли гараж бывшего мичмана Серёги, который после его вынужденного списания на берег нашел себя в кустарном ремонте машин. Это был светловолосый молодцеватый высокий мужчина, категоричный в своих суждениях. Разузнав подробности от Сереги, папа призадумался, сменил навесные замки на замки-шайбы и на этом успокоился. Когда на будущий год вскрыли гараж через один от папиного, он задумчиво сказал:

– На следующий год придут к нам.

В первых двух случаях воры проникали в гаражи, спиливая наружные дверные замки. Их целью были ценные вещи, запчасти, какой-то цветмет и... алкоголь. Они не угоняли машины, но проникали внутрь. Если машина была заперта, они грубо ее вскрывали.

Также ходили слухи, что были случаи, когда гаражные ворота просто сдергивали при помощи троса.

Зная все это, папа основательно подготовился. На обратной стороне ворот появились упоры, способные удерживать ворота, даже при спиленных петлях; появился встроенный кодовый замок, как время показало, очень проблемный; а также появилась внутренняя накладная щеколда, сделанная из пятимиллиметрового стального уголка. Это было сияние инженерной мысли моего папы, изготовление которой заняло добрую половину дня. Но как показали первые динамические испытания, щеколда была абсолютно бесполезна, ворота легко открывались с ней и без нее. Увидев результат испытаний, папа признал свое поражение как инженера.

На следующий год никто не пришел. И через год, и даже через два! Это случилось лет через пять или семь после тех случаев. Воришки проникли через крышу, отогнув лист стального шифера. Они прошлись почти по десятку гаражей нашего тупика. Все приготовления не спасли, даже пугающая своим видом щеколда.

Про зимнюю рыбалку

Второй страстью моего отца была подлёдная рыбалка. Это когда одетый, как капуста, сидишь в мороз на деревянном ящике посреди замерзшего моря и пытаешься поймать рыбу на мормышку маленькой удочкой сквозь небольшое выпиленное ледобуром отверстие. Звучит не очень. На самом деле, это было увлекательно.

Рыбалка была не только способом удовлетворения инстинкта добытчика, но и определенной мужской свободой со своими специфическими разговорами, питейными ритуалами и порой даже некоторым экстримом. Папа тщательно готовился к каждому выезду. Он перебирал снасти. При необходимости он перевязывал мормышки на своих и моих удочках. Последним он проверял ледобур, точил на бруске две пары ножей: основные и резервные. Далее он аккуратно укладывал снасти и ножи в ящик. У меня тоже был свой рыбацкий ящик, сделанный из посылочного. В нем в основном содержались запасные носки, варежки, пакет для рыбы и еда.

Едой папа занимался в день рыбалки, встав в половине пятого. Он заваривал крепкий и очень сладкий чай, делал бутерброды с сыром и докторской колбасой. Для себя он непременно брал кусочек сала. В двоих штанах с начесом, в трех носках, наглухо замотанный шарфом поверх пальто, обутый в подшитые валенки, я и папа шли в сторону места сбо-

ра. Было темно и настолько рано, что еще не было видно ни дворников, ни общественного транспорта. Только мы двое в свете фонарей под бесшумно падавшим снегом.

На обозначенном перекрестке возле кинотеатра «Русь» ещё издали мы заметили схоже одетого мужчину, вальяжно сидевшего прямо под фонарем на рыбацком ящике и смачно курившего. В какой-то степени это было даже красиво. Клубы табачного дыма перемешивались со снежным пухом в белом свете уличного фонаря на каких-то пару секунд. Потом дым растворялся, оставляя только едкий запах.

– Генка уже здесь, – сказал папа.

– Кто?

– Дядя Гена Русанов.

Ещё через пару минут из прилегающих улиц появились несколько мужчин с ледобурами на плече, направлявшиеся в нашу сторону. Мужики, встретившись, здоровались за руку, усаживались в кружок и тоже закуривали.

Еще через пару минут подъехал кунг на базе «шестьдесят шестого» (ГАЗ-66). Папа определил меня в кабину водителя, потому что в будке было так сильно накурено, что людей, сидевших у стенки, невозможно было увидеть. Полтора часа дороги, причем половина пути по промёрзшим болотам и разбитым лесным дорогам.

Как описать Белое море зимой? Это белая пустыня, простирающаяся так далеко, сколько видно глазу. Затянутое об-

лаками небо почти сливается с морем, оставляя едва различимую линию горизонта. Несмотря на обилие белого глазам не больно. В пасмурный день снег не блестит. Он матово белый. На этом бесконечном белом покрывале едва видны скопления черных точек. Это рыбаки.

Мужики с шумом выпрыгивали из фургона, брали свои ящики и разбредались по белой равнине в разные стороны.

Мы обычно садились не очень далеко от машины, чтобы можно было в любой момент заскочить внутрь бытовки и погреться. Папа пробурил три лунки: две для себя, одну – мне. Он несколько раз поднял и опустил шнек в лунке, затем энергично выдернул его вверх. Большая часть шуги из лунки фонтаном выплеснулась на поверхность вокруг лунки. Далее следовала минутная возня с наживкой. Тонкого мотеля нужно было аккуратно насадить на крючок мормышки, сверху дополнить эту композицию опарышем. Я сам не мог с этим справиться. На морозе пальцы деревенели. Папа справлялся с этой филигранной задачей блестяще. Напоследок он плевал на наживку, забрасывал ее в лунку, одновременно убирая коробочку с червячками под мышку внутрь полушубка.

Насадил, забросил, нащупали дно, и всё. Ничего не происходит! Зимняя рыбалка не очень динамичное занятие. Особенно, когда не клюёт. Ты ждешь, поигрываешь наживкой, время от времени поправляя ее, и ничего!

С какой то обидой я оглядывался по сторонам и думал: «Я же сижу почти один. Справа на триста метров нет никого.

Сзади тоже. Вся рыба, которая плывет оттуда, должна быть моей! Почему у меня не клюёт?». Я всматривался в черные точки, пытаюсь разглядеть, сидят ли они смиренно или машут руками. Последнее было признаком, что там клюёт, и они вытаскивают рыбу. Пока я смотрел по сторонам, проспал полклёвку.

– Пап, почему у меня не клюёт?

– Ни у кого не клюёт.

– Пап, почему ни у кого не клюёт?

– Через час вода повернётся, и у всех сразу будет клевать.

– Что такое «вода повернётся»?

– Вода начнёт прибывать, начнётся прилив.

– У все-всех сразу будет клевать?

– Да.

Я был удовлетворен ответом. Не повезло всем. Но вот-вот ситуация должна была исправиться. Нужно было подождать.

– Пап, я замерз.

– Побегай. Кругами. Отбеги подальше, и бегай кругами.

Подгоняй рыбу.

Я положил удочку на лед и отбежал метров на пятнадцать.

– Пап, нормально?

– Да. Давай кругами вокруг меня! Каждый следующий круг меньше предыдущего.

– Ага!

Круг за кругом я не просто грелся, бегая, я загонял рыбу на папу. Тактика, скажем честно, работала не всегда. Чаше

не работала. Добежав самый маленький круг, папа поил меня чаем из термоса с промерзшими бутербродами.

– Согрелся? Если нет, то беги в машину. Она вооон стоит.

– Согрелся!

Подледная рыбалка была довольно экстремальным делом. Время от времени газеты писали о провалившихся под лед машинах и людях.

Иногда мы ездили не на машине, а на общественном транспорте. Папа поднимал меня еще раньше, и мы шли пешком через спящий город в Соломбалу на первый автобус в сторону порта. Здесь у завода Красная кузница была конечная остановка автобуса #9, шедшего в порт Экономию. В начале зимы до серьезного ледостава людей через акваторию порта к небольшой деревушке Реушеньге перевозил буксир.

Позже намораживали ледовую переправу. Идешь по льду через акваторию залива вдоль цепочки фонарей. Где то посередине оставляли не замерзшей полосу для прохода судов, фарватер, где лед постоянно ломали ледоколом. В этом месте, шириной метров двадцать, поверх шуги бросали деревянные настилы. Было страшно, как будто идешь в сухом гидрокостюме через пропасть по сколоченным доскам. Такая одежда сильно сковывала движения.

На переправе всегда дежурили спасатели. Мысль, что из ледяной воды тебя достанут очень быстро, не сильно утешала.

Добравшись до противоположного берега, предстояло

еще пройти мимо спящей деревушки Реушеньги по маленькой одноименной речушке до ее устья.

Здесь, где река впадала в море, мы и испытывали свою рыболовную удачу.

На льду было холодно и ветренно. Погоде противостояли и тело, и дух. Пару раз я обморозил мочки ушей и щеки. Но что это – чуть потвердевшие мочки ушей, которые теперь пощипывало даже в несильную стужу, и ощущение, что ты выдержал, пересилил себя и преодолел природу? Это мелочи по сравнению с закаленным характером.

Про сладкие ворота

Прямо напротив нашей пятиэтажки был детский сад «Полет». Это был специализированный детский сад для детей работников авиации, к коей в нашей семье никто никакого отношения не имел. Но всё моё детство прошло в играх и прогулках с друзьями на территории садика. Сперва в песочницах, позже – на крашенных колёсах, наполовину закопанных в землю, потом – в хоккей и, наконец, на крышах веранд. Нас, как мартовских котов, влекла наверх неведомая сила.

Попасть на территорию садика можно было через дырку в железных воротах. Это был кратчайший путь.

Помню случай с этими воротами. Что-то подобное, я уверен, произошел у каждого в жизни. И друг такой, как Славка, у каждого есть. Так вот, как-то зимой мы гуляли в садике «Полёт», и Славка сказал:

– Лизни ворота языком, они сладкие на морозе.

– Ты пробовал? – недоверчиво спросил я.

– Конечно! – не сомневаясь ни минуты, выпалил Славка. –

Вчера.

Я чувствовал подвох, но не верил в него.

– Да чо ты? – подначивал меня Славка.

«Друг же не подведёт», – подумал я и осторожно кончиком языка прикоснулся к когда-то голубой трубе ворот...

Тем, кто не понимает подвох, я просто скажу, что они не сладкие.

Если серьёзно, то за долю секунды кончик языка намертво примерз к металлу. Инстинктивно я пытался убрать его в обратно рот и не мог это сделать. Из открытого рта капали слюни. Мыча, я дергал головой по сторонам. Славка всё это время даже не смеялся, а в голос ржал, сложившись пополам. Он останавливался, чтобы перевести дыхание, и заливался снова. Так продолжалось не больше пяти минут.

Наконец, с силой через боль я оторвал язык от ворот. Кажется, на месте соприкосновения остался кусочек кожи языка.

– Ты козел! – кричал я на бывшего друга.

– Дурак ты сам! Ты чего? Не знал? – Он продолжал взахлёб смеяться.

– Нет!!!

Обиженный я оттолкнул его со своего пути и ушел домой.

Порой жестокие розыгрыши друзей учат больше чем любые прочитанные истории. Конечно, со Славкой мы помирились. Но на слово я уже ему не верил.

Про хоккей во дворе и вкусный снег

Я вспоминаю морозные дни, когда мы с пацанами гоняли хоккей во дворе. Все начиналось обычно так: Толик заходил на Пашкой, Пашка с Толиком за Славкой, а потом все втроем, спускаясь с третьего этажа звонили в дверь и спрашивали у моей мамы, открывавшей двери: «Драсьте, а Дима выйдет гулять?» и гурьбой вваливались в узкую прихожую. Мама меня отпускала, а пацаны, не дожидаясь, убегали во двор, крича уже из глубины подъезда: «Догоняй, мы в «Полете».

– Мам, можно?

– Можно! Только надень что-нибудь потеплее, а не этот свой полупердунчик!

– Хоршо!

Быстро-быстро-быстро одеваешься, пугая кошку Машку. Штаны с начесом, вязаный свитер, варежки с батареей. Хватаешь клюшку, она всегда стояла в углу, там же где и лыжи. В то время лыжи только деревянные, и только «Karejala». Особый шик – смоленые деревянные лыжи. У меня папа сам смолил лыжи паяльной лампой в гараже. Зачем это нужно было делать? Я не знаю, но лыжи после этого, такое ощущение, что кто-то их тормозил, бросая невидимые якоря. Они просто не ехали.

Так вот, хватаешь ее, клюшку, обмотанную синей изолентой, и еще шайбу, ноги – в подшитые валенки, и на бегу за-

стегиваешь коричневое короткое клетчатое пальтишко. Два этажа вниз по темному коридору подъезда, плечом выталкиваешь дверь и... Яркий белый свет, прямо ото всюду. Ты замираешь на крыльце, жмуришься, натягиваешь кроличью ушанку на глаза и все равно, не сдержавшись, громко чихаешь. Еще несколько секунд ты начинаешь в этом сплошном молоке различать дома, деревья и своих друзей. Надеваешь варежки, старушке у подъезда на лавочке «Драсьте», и через дырку в заборе во двор детского сада. Там уже пацаны делятся на команды и спорят, кому на воротах стоять. Тогда воротами служили два деревянных ящика, принесенные накануне с Толиком от задней стороны магазина «Восход», что на улице Шабалина. Мы взяли их с двух сторон и бегом, трусцой закинули за ближайший сугроб, а там уже короткими перебежками притащили в свой родной двор.

На воротах стоять никто не хотел, поэтому выбирали случайным образом, при помощи считалки или методом «Тридцать первый вАда». Это, когда счетовод из участников игры считал про себя, начиная с единицы. Кто-то кричал «Стоп!». С этого момента счетовод продолжал вслух, указывая на каждого из играющих: «Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать, тридцать один!». Тот, на кого указывала рука счетовода на «Тридцать один», и становился избранным ведущим или, в нашем случае, вратарем.

Дворовый хоккей явление интересное, хотя внешне очень похожее на беспорядочную возню. Ни у кого не было конь-

ков. Клюшки у всех разные. У кого-то хоккейные, у кого – для игры в хоккей с мячом. Но играли все. Играли с таким азартом, что потом, наносившись, просто плюхались усталые в сугроб и кушали снег. Прямо с варежек обедали ледяные катышки. И они казались сладкими.

Снимаешь ушанку и смотришь, как из нее валит пар. И тут крик бабушки Толика из окна: «Толик, ну-ка надень шапку, простынешь!». А сам сидишь и думаешь: «А мне необязательно!». Но шапку все равно надеваешь и, открыв рот, пытаешься словить кружащиеся снежинки.

Вечерело, все разошлись по домам. Я все сидел в сугробе и смотрел на кружившиеся в свете фонарей искры-снежинки. Как сейчас помню детский садик, окруженный пятиэтажками с горящими квадратами окон, и непонятное чувство – неохота идти домой. Жил бы на этом сугробе. Придешь домой, тебя мама отругает, где, мол, валялся, весь сырой насквозь, а я даже и не заметил. И ведь даже наказать могли.

Про ремень на двери и таблицу умножения

Не помню, наказывали ли мои родители старшую сестру, но меня они наказывали, иногда даже ремнем. Особенно больно меня бил ремнем папа.левой рукой он держал меня за правую руку, а правой хлестал меня по заднице, приговаривая, что, если я буду и впредь себя так вести, то он будет бить меня, пока не изорвется ремень об мой зад. Я визжал как поросенок на бойне. Мама обычно почти сразу же останавливала его и меня в слезах и соплях вела умывать в ванную. Из ванной я выходил минут через 15 глубоко обиженный на весь мир. В комнате ничто не выдавало минувшей бури. Тот самый толстый кожаный армейский ремень висел неммым укором на белой двери в комнату. Папа уже спокойно смотрел футбол, забравшись с ногами на диван, временами напряженно выкрикивая «Ну!». Мама наклеивала солиподный пластырь на подошвы зимних сапог, чтобы они не скользили. Или что-нибудь гладила, расстелив голубое покрывало на две кухонные табуретки. Я мышью пробегал во вторую комнату и долго лежал на кудрявом паласе пока не засыпал.

Второй педагогической мерой, применяемой в нашей семье в виде наказания, было запира́ть в туалете. За проступки менее важные. Меня ругали, а потом ставили в туалет. Но это еще не все. Чтобы я с «пользой» проводил время,

мне вручался календарик с таблицей умножения на обороте, которую нужно было заучить наизусть. Я делал это вслух: «Трижды два – шесть, трижды три – девять, трижды четыре – двенадцать». Но в какой-то момент я приноровился. И уже спустя десять минут я уже сидел на крышке унитаза, вертел в руках коробок спичек, служивший тогда освежителем воздуха, и бормотал вслух, не глядя в таблицу умножения: «Дважды три – шесть, трижды три – семь, трижды семь – девять». А еще через полчаса я просился на свободу: «Мам, ну можно выйти? Мам!»

Я не обижаюсь на своих родителей из-за телесных наказаний. Это их выбор. Видимо, их воспитывали также. Дурь из них «выколачивали», а добро «вбивали». Хотя психологи считают, что бить детей негуманно и бесполезно, ведь они лишь отражение самих родителей.

Так вот мы и жили тогда. Теперь я понимаю, насколько сильным и неправильным средством внушения был висящий на белой двери ремень. Сейчас этот ремень хранится у меня в шкафу. Он не изорвался. Я надеваю его время от времени, непременно улыбаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.